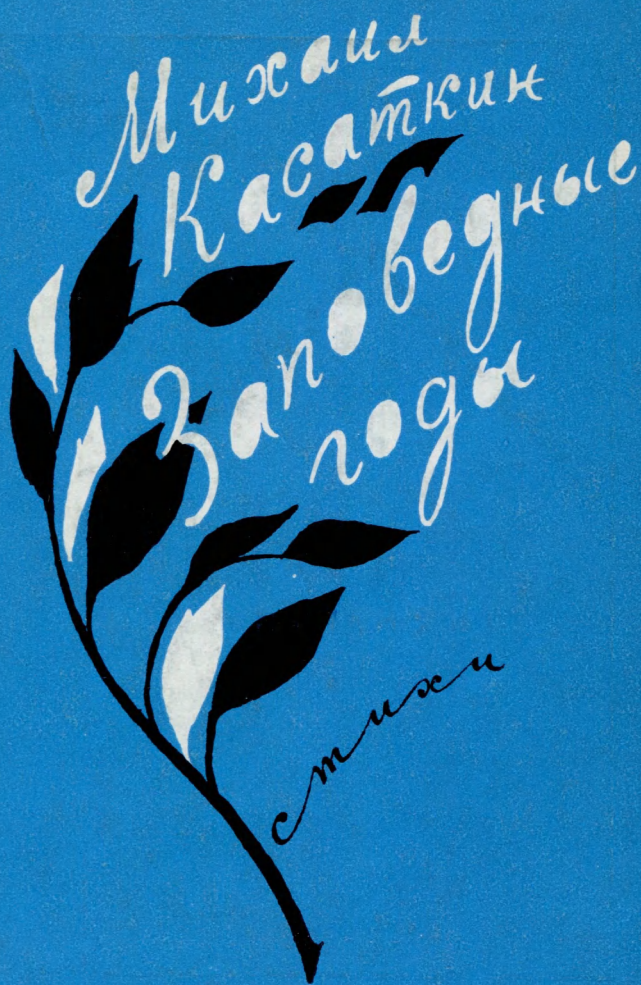
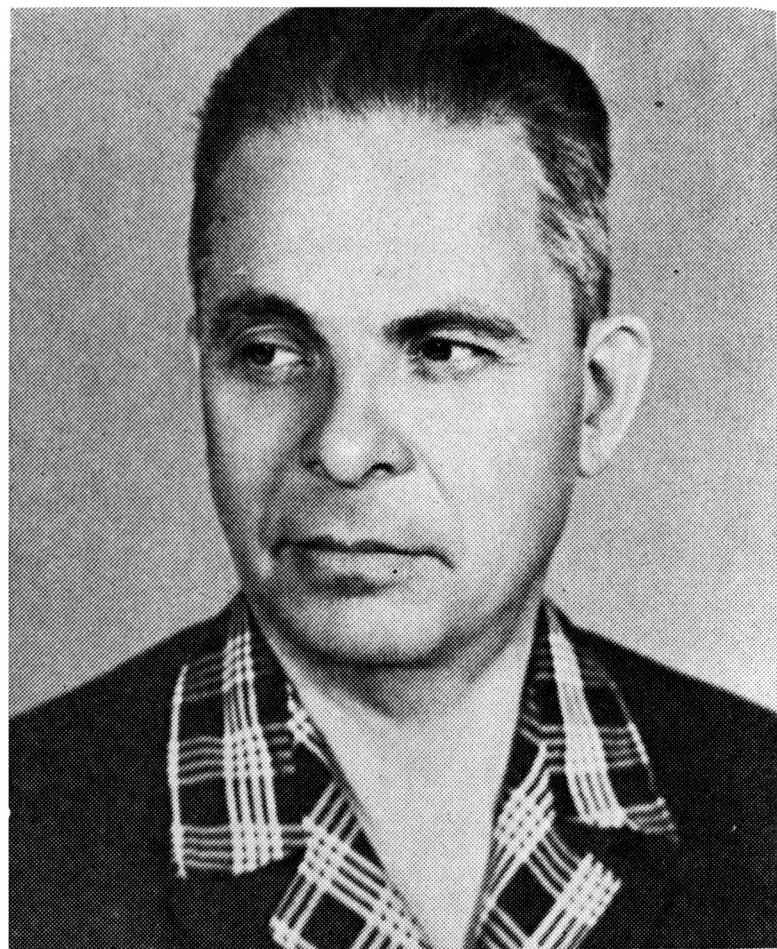

Михаил
Касаткин
Заповедные
зоны
станиц

МИХАИЛ
КАСАТКИН

*ЗАПОВЕДНЫЕ
ГОДЫ*

С Т И Х И

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1981

Михаил Касаткин — поэт фронтового поколения, прошедший войну от начала до конца, неоднократно раненный, награжденный правительственными наградами. Вот почему так тревожно скользят отблески пламени военных лет по его стихам. Многие из них нельзя читать, не испытывая глубокого внутреннего волнения. Не оставляют читателя равнодушным и поэтические раздумья автора о судьбах родной земли, о трудовых буднях его земляков-воронежцев. Главное достоинство стихов М. Касаткина — их убедительная достоверность, емкость образов, значительность содержания.

ХУДОЖНИК АНДРЕЙ ЗЕФИРОВ

* * *

Негасимое пламя,
марш-броски, переходы...
Четко высветит память
заповедные годы.
Обожжет, растревожит
незажившую раной,
как осколком
 уложит
у реки Безымянной.
Но на диво Европам —
пусть контуженный малость —
я опять над окопом
в полный рост поднимаюсь.
И гремят неустанно
в отдалении пушки:
соглашаться не стану
с перестуком теплушки,
с непривычным покоем,
с тишиной медсанбата...

Пусть по-блоковски
боем
будет жизнь для солдата.
Знаю, в Лету не канут
поредевшие взводы —
заповедная память,
заповедные годы. . .

* * *

Меня землею бинтовало
Четыре года на войне.
Со мною всякое бывало
В чужой и в нашей стороне.

Я стыл в окопах, но на грани
Небытия
не подмечал,
Что шрамы чаще, чем награды
И поощренья, получал.

Как лето щедро разодето!
Благодарю судьбу свою:
Я побывал в аду.
За это —
Спокойно мог бы жить в раю.

Но вот напомним мне о бое
Под сердцем шрама борозда. . .
Не в райских кущах пусть, а в поле
Моя засветится звезда.

Нет, на войне не выстрелы пугают,
Не то, что очага мы лишены,
Не лиц фашистских мертвенный пергамент,
Где все пороки отображены.

Я после схватки видел поле боя:
Искажены у мертвых лиц черты.
И все ж одно еще смущало больно —
Кричат безмолвно у погибших рты.

Спал, как убитый, я под канонаду,
Под пулеметно-минометный шквал,
Спал как малец, но если было надо —
По трое суток в тишине не спал.

Я парень не из робкого десятка,
Не склонен к монотонному нытью,
И мертвецов посмертная приглядка
Не поколеблет линию мою.

Но, выверенный в общем арсенале,
Так просто сам себя не победишь:
Встречались мы, когда освобождали,
С обугленностью дикой пепелищ.

Жилье, упрятанное под овины,
Полынь с крапивой вместо спелой ржи —
Как будто, сволочи, все подменили
Вплоть до последней ивы у межи.

Обломки жизни, черных рек излуки
И танки, а не копны, по полям...
И сколько муки, сколько адской муки
На долю нашу выпало всем нам.

Крестьянский сын, числом откроюсь задним,
И на войне я оставался им:
Идешь и будто межи меришь складнем
Под взмах руки простором полевым.

Полк растянулся аж до горизонта,
И, малорослый, в самом я конце.
Пыль от сапог вздымается до солнца
И оседает на моем лице.

А по цепи передают, что скоро
Брать деревеньку с ходу предстоит,
И радуюсь я втайне, что не город,
Который с детства странен мне на вид.

Он наш, советский, часть земли родимой,
А надо же, не тот во мне азарт,
Когда пропахший порохом и дымом
Бросает под ноги мне выжженный асфальт.

Зато деревни занимал охотней
И полз, как к собственному дому, к ним,
Где для меня и матушки-пехоты
Любой заборчик в доску был своим.

Не счесть путей-дорог в годину злую,
И все ж привычно, на крестьянский лад,
Я вымерял по селам ширь земную,
А города... они меня простят.

Захолустный сын России,
По-крестьянски тих,
В двадцать услышал впервые
Паровозный крик.

Громыхал вагон «телячий»
На виду у сел.
В полночи, грозу таящей,
Долго сон не шел.

То ли подступали слезы
К горлу, грудь тесня.
То ли гибли детства грезы,
Обманув меня.

С малолетства ждал, как праздник,
В жизни перемен.
Побывать мечтал хоть разик
У кремлевских стен.

Чтобы юность пролетела
Сквозь огни стрелой
В сводах метрополитена,
В небе над землей.

Вместо них — зенит в заплатах
Дымных облаков
И тягучий эскалатор
Дальних марш-бросков.

Но иная в жизни вежа
Вышла наяву —
Увидать столицу рейха
Раньше, чем Москву.

Образование мое армейское,
Оно отчасти даже европейское,
Хотя и требовать там было не с кого
Гуманитарных книг и дисциплин:
Профессора убийств, преподаватели
Блицкрига,
 как студенты с лекций, драпали.
И мы дорожку им стелили скатертью
Свинцовой,

 указуя на Берлин.
Пока Берлин бурлил, дымился, кланялся,
В нем изучал я на рейхстаге надписи.
И мне в них мудрости открылись кладези —
Наук моих основы из основ:
«Был Иванов» — гвоздем тупым царапано.
«И будет!» — дополнительно караули
Гласили, по стене наверх карабкаясь! . .
Ты не мельчи, товарищ Иванов!
Как археолог, в шрамах и подпалинах,
Откапывал подвалами заваленных,
В улыбках женщин и детей затравленных
Мир брезжил, словно солнышко в дыму, —
И проходил ли площадью просторною —
Я заодно с ней проходил Историю,
Которую сегодня помнить стоило б
В различных государствах кой-кому. . .

* * *

А мне герои снятся
Военных первых лет,
Что не попали в святцы
Музеев и газет.

Как люто отступали
Они, врагов рубя.
Высоты оставляли
Ценой самих себя...

От Бреста по Воронеж
Под пашней и травой
Герои обороны
Спят во земле сырой.

Простите нас, соседи
По смерти, — видит бог,
Жестокий путь к Победе
По вашим трупам лег.

Простите, что с друзьями
Май празднует солдат,
Блистая орденами,
Что вам принадлежат.

* * *

Последних выстрелов огни
У времени на перевале.
Какие отпылали дни,
Какие жизни отпылали!

Визжит последняя картечь,
И нет числа дымам и рубищам,
И к горлу подступает речь
В прошедшем времени о будущем.

* * *

По ночам в этом городе
Экономится свет.
Кто там стынет на холоде,
В темный иней одет?!

Улиц мрачные пропасти,
Желтизна тупиков.
В них размыты подробности,
Кроме окон домов.

Те пылают квадратами,
Разноцветием штор,
Словно малые кратеры
Огнедышащих гор.

Катастрофами веющий,
Мир полночных картин.
Снег летит, розовеющий
Близ неспящих квартир.

Их — все менее, менее. . .
И не дремлет мне:
Все плотней затемнение —
Я опять на войне.

* * *

Не в разведку сюда ты пришел,
Не пластаться под смертным огнем:
Вон березоньки тоненький ствол,
Добредем до нее — отдохнем.

Снег младенчески чист. Оттого
В белизне занесенных низин
Остро чую, что старше его
Я на сорок завьюженных зим.

Он не держит на лыжах меня,
И разбитое ноет плечо,
И в опалинах черных земля,
И подошвам моим горячо.

Я себе говорю: не беда,
И не стоит роптать на судьбу,
Пусть испарина, как от труда,
От ходьбы проступает на лбу.

А в бору не от взрывов темно,
То чернеет сосновая медь.
Постарел, но судьбою дано
Мне до смерти теперь молодеть.

* * *

Сон, как смутьяна, за версту
Я гнал, но рядом он.
Со сном боролся на посту,
Как с внутренним врагом.

Я веки мокрой дланью тер,
Пускался с места в пляс,
А он перебегал, хитер,
Тот сон, из глаза в глаз.

Журил себя я, дохлый шкет,
Какой ты фронтовик! . .
Но шел развод, неся рассвет
На гранях штыковых.

И этот флаг вздымался в честь
Как бы заслуг моих,
Что сон свой поборол я здесь —
И он во мне притих.

Он спину, плечи тяжелил,
Приглушенный слегка.
И я в блиндаж его тащил,
Как будто «языка».

* * *

Прощайте, и земля, и мать,
Не вам принадлежу:
Я небу подчинен опять,
Подвластен виражу.

Для нас размножены в лесу
Сигнальные огни,
И рдеют красными внизу
Окурками они.

Ах, затянуться бы тайком
Разочек или два:

Волнуется перед прыжком
Безусая братва.

Насчет куренья летчик строг,
Он строг к нам до конца:
Проверка купола, и строп,
И ранца, и кольца.

И вот уж, словно в детстве в пруд,
В люк прянул головой
И ощутил не парашют,
А крылья за спиной.

* * *

В лесных чарующих краях
С музейной тишиной и тенью
Седые бороды коряг
В меня вселяют умиление.

От них былинным за версту
Сквозит величием победным.
Я к ним приду и предпочту
Их вновь реликтам заповедным.

Туда, где шел жестокий враг,
Еще не знающий урону,
Где у таких же вот коряг
Мы занимали оборону.

Когда-то робкие юнцы,
Мы жались к ним не хорохорясь,
И бородами, как отцы,
Они щетинисто кололись.

Не красоту дарили нам,
А лишь возможность притулиться.
Пусть скажут: кланялся он пням,
Корням — не стыдно поклониться!

* * *

Возвращается прошлое снами,
Как туманы на жухлом снегу...
Что отсеять задумала память —
Я еще раз увидеть могу.

Мне неведомы шифры и коды
Ретроспекции этой ночной,
Сочетающей разные годы,
Словно кадры на пленке цветной.

Проявляется памятью пленка —
Негативы войны и судьбы;
Вот иду я — невинней ребенка,
Молодой-молодой, по грибы.

Осторожно срезаю волнушку,
А простор беспечален и тих...
Вот стреляю, вступив на опушку,
С васильковых позиций своих.

Вижу все, как на старой витрине,
Или словно в обратном кино —
От идеи и смысла в отрыве —
Полустерто, нелепо, темно.

Только память уже не воспрянет,
На второй не допустит сеанс

И виденья с конвейера снимет,
Что поблекли в предутренний час.

Как же утром должны неустанно
Нас пронизывать солнца лучи,
Чтобы пленка засвеченной стала
И негодной к просмотрам в ночи!

* * *

Несгибаемость — это не поза,
Что порой для парада таим,
А скорее житейская проза,
Овладевшая духом твоим.

Надо встать и снежком протереться:
Как под кран — под метель головой!
Как портянка, черно полотенце —
Обмахнемся шинельной полой.

Там и завтрак горячий приспеет,
И, колени содвинув, как стол,
Будто ложек у нас при себе нет,
Котелками осушим котел.

Тирания военного быта —
Глупо против нее восставать,
Без нее, тирании, сокрыто
Начинает живот бастовать.

Начинают отказывать нервы,
Что осечки иной пострашней,
И винтовка стреляет неверно,
И отдача приклада больней.

Так что, если к жестокости быта,
Вьюгой слепленных дней и ночей,
Не притерпишься, будешь убитым
Иль окажешься у врачей.

В том-то все и искусство солдата
В обороне, в отходе, в бою
Всяким —

гнутым,

прижатым,

помятым —

Несгибаемость холить свою...

* * *

Моих друзей рассеяла сурово
По разным направлениям война.
От этого посева мирового
Мне не пожать ни одного зерна.

И не пожать ничьей руки, с которой
В бою браталась и моя рука,
В бою браталась, да рассталась скоро...
Какая поглотила нас река!

Тот запредел, куда придется кануть
Поодиночке каждому из нас,
Тем глубже, чем на сердце больше камень,
Когда ты позабыт в последний час.

А полк родной, нет, он не примечтался —
Салют героям слышу по весне.

Так, уцелев друзьями по несчастью,
Несчастливыми друзьями стали все.

Что, где и как — ни звука и ни слуха,
Как будто, пред убитыми винясь,
Мы не хотим навеки друг для друга
Сегодня снова без вести пропасть.

* * *

Звал на Берлин войска суровый долг,
И малый город заняли мы с боем.
Обворожили мелодичным боем
На ратуше часы пехотный полк.
Они показывали ровно час.
Обедал полк на площади булыжной,
И не было их тиканье нам слышно,
Но их никто не выпускал из глаз.
Следя за стрелкой, впившейся, как клещ,
В цифирь, и раз и два мы подсчитали:
А сколько назначалось под часами
Свиданий днем и сколько ночью встреч.
Но кто-то, отобедав, по часам
Из автомата полоснул жестоко,
И стрелки черные на полшестого
Перевелись да и застыли там.
Кому-то, видно, пунктуальность их
Напомнила размеренность фашизма,
Который столько погубил живых
С бездушьем часового механизма.
И — кто стрелял? К полковнику! Бегом!
На площадь вытолкнули автоматчика,

Совсем еще, в шинели длинной, мальчика,
Футболившего банку сапогом,
А я его запомнил навсегда,
Как он прошел, улыбкою поблескивая,
Остановивший время европейское,
Принесший время новое туда.

* * *

Ах, эти березы, березы —
Березовый майский парад! . .
За угол квартала — и слезы
Туманят непрошенно взгляд.

От белых берез, как побеги,
Рождались в российских домах:
Под праздники — наши побелки,
Скатерки — на наших столах.

Задумчиво-снежные вехи
На синем весеннем холсте —
В кровавых художествах века
Меня вы вели к чистоте.

Медсестры в стерильных халатах,
Хрустящих, как легкий мороз,
Солдаты, что стыли в палатах
Обрубками белых берез.

Не их ли вернуло мне слово
Терпение в трудный момент,
А был я кругом загипсован,
Хоть сразу же на постамент.

И после в июле белесом
При свете победной зари
Вели меня к дому березы,
Как верные поводыри.

* * *

Прививок я не избежал.
В солдатской шкуре — смех и горе! —
Ломались иглы. Врач ворчал,
Что пули не возьмут нас вскоре.

С укором добрым и смешным
Он нас разглядывал, которым
Казалась жизнь давно сплошным
Профилактическим уколом.

Без сыворотки, как пчела,
Вонзал в меня осколок жало,
И никакая там чума
Потом меня не заражала.

Повышенный иммунитет
И против оспы мне привился,
Когда пришел я в лазарет
Из боя, а рука — в крови вся.

Такая выпала нам жизнь,
Граничащая с чудесами:
Контуженые — злей дрались,
Слепые шли в атаку сами.

Помимо смерти и «ура»
Мы редко что воспринимали:
Тогда нуждались в докторах,
Когда в нас пули попадали!..

* * *

В госпитале, господи,
Как в твоём раю.
Завернешься в простыни —
Баюшки-баю...

Студит щеки наволочка,
Да не спится мне.
Расскажи-ка, нянечка,
Что там на земле?

Что на нашей улице
И на мостовых,
Не грачи ль веснуются —
Грай я слышу их.

Вороны ль, как вороги,
Чуя близко смерть,
За стерильной шторой
Начали галдеть.

Сгиньте с карком, вороны,
От больничных рам.
Не дано нам, воинам,
Столько жить, как вам.

Мы в больничном тереме
Райских куш не ждем:
Сколько дней отмерено —
Столько проживем.

* * *

Как спится вам, друзья мои,
На Висле
и на Волге,
Под черной простыней земли,
На безымянном взгорке?

С лучами солнышка оплечь
Я вышел вам навстречу,
И предстоит мне пересечь
Святое Междуречье.

Колосья указуют путь
Сквозь дня разноголосье. . .
Убит я тоже, но уснуть,
Как вам, не довелось мне.

И тридцать лет —
за ночью ночь
Ни глушь,
ни дождь,
ни слякоть —
Ничто не может мне помочь
С бессонницею сладить.

Лишь веки грузные сомкну —
Перед глазами
пламя.

И вижу
во весь рост войну
И нашу гибель с вами.
И вновь бои,
бои,
бои
И взрывы по канавам. . .

Как спится вам,
друзья мои,
Как спится за меня вам?

* * *

Долю ждал я неземную.
Это не моя вина,
Что судьбу
совсем иную
Уготовила
война.

Был хозяином окопов
И, не сгинувший
в огне,
Я свое окно в Европу
Прорубил
на той войне.

Рыл
 во время перестрелки,
Взрыва, черт его дери.
Так проламывают
 стенку,
Если занялось внутри.

Мерзлый грунт
 шуршал по шапке,
Я его снимал,
 как стриг.
Так откапывают
 в шахте
Тех,
 кого обвал застиг.

Рыл посредством пальцев голых —
По отрогам
 и кустам,
Так скребется
 археолог
К историческим пластам.

Если вытянуть,
 что вырыл,
В нитку —
 тяжек и нескор
Коридор пройдет по миру,
До рейхстага —
 коридор.

Война, война...
 Не знал когда-то,
Что отдал ей себя сполна
И что проводит
 сорок пятый
Со мною вместе и она.

И после —
 тоже не отступит,
А выдвинется наперед
И на подушку,
 как на бруствер,
Меня больничную швырнет.

Как жить мне,
 гильзе уподобясь?!
Когда вся память —
 как патрон!
На вечер мой
 зловещий отблеск
Отбросил
 мировой огонь.

Как сердце ныло
 и любило,
Как тосковал я по родным!

А что за днем Победы было —
Прошелестело
 днем одним.

* * *

От болезней нет траншей,
Кроме койки госпитальной.
Я армейским воспитаньем
Не нарадую врачей.

Вот они вокруг хлопочут,
Раздевают донага.
Выясняют, что же хочет
Левая моя нога.

А она лежит, немеет
В гипсе, словно в пелене,
Будто вовсе не имеет
Отношения ко мне.

Я и сам из отдаленья
С медиками наряду
Неотступно наблюденье
За поверженной веду.

И одна у нас надежда,
Всем гангренам вопреки,
Что и здесь мы с ней удержим
Пятки вместе, врозь — носки. . .

* * *

Полковник возглавлял политотдел.
Любил он, разговаривая, окать
И мне, комсorghу, между прочих дел
Передавать руководящий опыт.
— Ты, основное, — говорил, — не дрейфь

И выдвинешься в ротные, пожалуй,
И на войне есть лестница наверх,
Но крутизною схожая с пожарной.
Чем выше — тем тревожнее в груди.
И, ежели не крепок головою,
Вниз все равно, что б ни было, гляди —
Пусть крутится земля там, под тобою.
Пусть те, устойчивые к высоте,
Кто одолел ступеньки без огрехов,
Сочтут твои позы к тошноте
За головокруженье от успехов! . .
Которые внизу, они простят
Тебе неловкость, медленность, надсаду
За обращенные к сердцам солдат —
Не сверху вниз — приказы,
речи,
взгляды. . .

* * *

Имел и я заветную тетрадь:
Ее стащил у взводного я ночью,
Чтоб ей, как человеку, поверять
Все, что в пути мне встретится воочью.

Она была со мной на дне канав,
Я бережно хранил ее секреты,
Бинтами в трубку их запеленав
Из индивидуального пакета.

Дневник нам запрещался. Никаких
Фамилий, цифр, событий и известий.

Трагедию о мертвых и живых
Воссоздавал под вспышками созвездий.

Тетрадь утеряна в извилинах траншей
В тот самый год, когда мы брали Вену.
Мне жаль ее.

Я знаю цену ей.
Всему погибшему я знаю цену. . .

* * *

Залп над братской могилой —
А мы на ветру не продрогли:
Судеб высшею силой
Посылает нас снова в дорогу.
В путь последний, внезапный
И безвременный, и чуждальный —
Только мечется эхо от залпа
По ту сторону женских рыданий.
Плачут бедные сестры —
Милосердия плач в медицине —
Плачут медные сосны,
Словно трубы в трагической сини,
Залп звучит триедино,
Во мгновения краткие эти,
Повторяя картину
Рождения, и жизни, и смерти.
Этим лютым салютом,
На салюты Победы надеясь,
Присягаем мы, люди,
Как живым, так и мертвым на верность.

ВЕТЕРАНЫ

Возле Вечного огня
Вы не видите меня,
Потому что я на вашей стороне.
Так же стыну и стою,
Боль глубокую таю
И венок держу со всеми наравне.

Тридцать лет мела пурга,
Тридцать лет цвели луга,
Покрывая этот памятник пылью.
Знаю — слезы не к лицу
Безымянному бойцу,
Застилают они взгляд мой пеленой.

Никогда он не мечтал
В бронзе встать на пьедестал —
Жил светло и жизнь отчаянно любил.
Как ее он защищал,
Как ее нам завещал,
Передать вам это не хватает сил.

Мы как дети перед ним,
Отрешенным, но земным,
Хоть по возрасту и сам-то он как сын.
Сын он Родины своей,
Сын усталых матерей,
Тех, что ждали его с фронта до седины.

И за то он в землю лег,
Чтобы жить живущий мог
Не подвластно ни беде и ни войне.
Возле Вечного огня
Вы не видите меня,
Потому что на живой мы стороне.

ОБЕЛИСКИ

1

Короче дни мои, длиннее — ночи,
Хотя в природе все наоборот:
Заря вечерняя никак не хочет
Покинуть накаленный небосвод.

А спину холодит восток дыханьем
Короткой и стремительной росы,
И вновь наедине я с мирозданьем,
Лишь на запястье тикают часы.

Они мое отсчитывают время,
Которое пульсирует, течет. . .
Заката полиняет оперенье,
Крыло его опустится, и вот

Ищу звезду дрожащую устало
В тревожном сумраке над головой.
А может быть, давно ее не стало
И звездный свет доходит неживой.

Но я найду, скажу: звезда, не ты ли
Мой освещала путь и мой привал?!
Тебя в ночи зенитки не подбили,
Нет, я тебя еще не потерял.

Пусть падаешь, летишь к земле ты долго,
Но, прежде чем рассыпаться до дрызг,
До самого последнего осколка,
Ты зацепилась вдруг за обелиск.

За самый кончик обелиска павшим
Соратникам, собратьям и друзьям.
А я-то, забывая о вчерашнем,
Искал тебя, взывая к небесам.

Нельзя же человеку без звезды ведь:
Он в одночасье без нее сгорит.
Звезда моя, не дам тебе остынуть,
Хоть под тобою холоден гранит.

Пока не закатился жизни вечер,
Призвать на помощь память я хочу,
И алое твое пятиконечье
Своею алой кровью подсвечу.

Чтоб всем, кто б ни пришел, у обелиска
Смотрелось широко и далеко,
Ты — на земле. Ты — над землею низко,
Ты — над землею очень высоко.

2

В мае даже обелиски
Смотрятся светлей и строже,
А солдат погибших списки —
Словно холодок по коже.

Эти мраморные врубы
Поминальных скорбных азбук!
Мы цветами только грубость
Их подчеркиваем наспех.

На промытых ливнем плитах
В первых громовых раскатах
Пофамильный темный свиток
До подножия раскатан.

И звезда — над именами,
Словно звездочка при сноске
Слов, не уясненных нами,
Редкой силы философской.

3

Не значусь я в трагичном этом списке,
Убористом и темном от дождей,
Что высечен на синем обелиске
Отечеством и памятью моей.

Я — с ними, на граните лишь пропущен,
И кажется в земной тревоге мне,
Что не на месяц был тогда отпущен,
А в рейд — в грядущее — я на земле.

Сюда — в дымок, клубящийся над пашней,
Сюда — в семидесятые года —
Из той совсем нелепой рукопашной,
Запечатленной в камне навсегда.

Ночами, нескончаемо пустыми,
Высверливается один мотив:
Зачем меня вы, братья, отпустили,
Мне в мире ничего не поручив?

Ах, если б вновь собратья с вами вместе,
Я б вашу радость, упования, грусть
До малой вести родине ль, невесте
Запомнил специально наизусть.

Я б лишний раз не стал со старшиною
Ругаться из-за валенок худых,

Не обходил друзей бы стороною,
А впитывал слова и думы их.

И каждое простое замечанье,
Промолвленное в шутку иль всерьез,
По свету бы понес, как завещанье,
И думается — с честью бы понес.

Какие б ветры в мае ни трубили,
Я по живую сторону земли
Отстаиваю то, что вы любили,
И отвергаю то, что вы кляли.

В каких ни шествовала б жизнь упряжках,
Я проторю к ней из бывшего путь,
Чтоб скорбный свиток с именами павших
Как знамя перед нею развернуть!..

* * *

Частушки вдовушки частили —
Послевоенных лет фольклор,
В которых так беду гвоздили,
Что я их помню до сих пор.

А как хотелось быть красивой
Бабенке каждой на селе,
Кто взметывал поля России
На коровенке да себе!

Кто в тракторном коптился лязге
И сил последних не жалел
И, подурнев от тягот, ласки
И в праздники-то не имел.

Я наблюдал за ними молча,
Не осекал их никогда,
Но бледных губ, как ягод волчьих,
Остерегался в те года.

Неловкие в своей обувке,
Плясали девки, как огонь,
И гармонист на двух обрубках
Вовсю растягивал гармонь.

* * *

Поэзия во мне еще жива,
Как тяготенье к свету и добру,
Где тенью — злоязычная молва,
Что сам-то я в поэзии умру.

Пусть будет так. Стареют и стихи,
Когда они живые и когда
Немало самой разной чепухи
Их конвоирует через года.

На тот читательский грядущий суд,
Моим который станет судным днем,
Они огонь — я верю — донесут,
Что не погас свечой под артогнем.

В нем — гарь и дым и много так всего,
Но я ему ни в чем не изменю!
Я каждый раз по искорке его
Уподобляю вечному огню! . .

* * *

Про латунь куполов,
Стен крошащихся стон,
Где кирпич, будто кровь,
Почернел от времен.

Во Боброве собор
Занят не был под клуб.
Он снаружи собой
Непригляден и груб.

Но величие форм,
Устремленных в зенит,
Над отделкой плохой
Безраздельно царит.

Мы закладки такой,
Как и этот собор,
Что над синей рекой
Лепоту распростер.

Каждый — грудью вставал
Против всяческих иг. . .
И собор отпевал
Нас, как внуков своих.

* * *

Если ты не злодей,
Что ты ждешь от людей?!
Не палат, разумеется,
Не общественных благ!
Чтобы не разувериться

В человеческих сердцах,
Жди поменьше, пожалуйста!
Чашки супа — в нужде,
Уважения — в старости,
Чувства локтя — в труде.
Прибедняться не любим —
Вывод вот мой какой:
В тягость не был ты людям,
Значит, был неплохой.
Значит, будешь достоин
Круга честного их,
Если счастья не строил
На несчастье других...

* * *

Удушлива служебная трясина,
И он самозабвенен, как ашуг,
Перед дуэлью, что его сразила,
А гору обессмертила — Машук.

И тучу вместо траурного крепа
Надел Машук на каменный рукав,
И ливнями оплакивало небо
Того, кто пал, еще собой не став.

Мартынов о дуэли, как обычно,
Начальству доложил в короткий срок,
И были словно пистолет убийцы —
Два пальца, взятые под козырек.

Чем козырять, он знал, собрат Дантеса,
Блюдя самодержавия престиж:

Там, где поэта ценят как повесу, —
Ничтожество ничтожеству простит.

Но Родина во времени огромна,
И век спустя через Невы пролив
Ответным залпом грянула «Аврора»,
За гения убийцам отомстив.

Он наш поэт, поэт не скуки ради,
И боль его, как молнии излом,
Не только принадлежность хрестоматий,
А сердца боль: о павшем и живом.

В дуэлях, лихорадящих истошно
Века, мы разминуться не смогли б,
Я в сорок первом в бой пошел за то, что
Он в сорок первом — век назад — погиб.

Я шел с однополчанами сквозь дали —
С мартиновыми мира на таран, —
Чтобы по-лермонтовски воссияли
Свобода, человечность
и талант.

* * *

Месяц в городе ночью не виден,
Как над сквером — отдельный плафон.
Ах, зачем так безмолвен, Никитин,
Словно морем огней напоен.

Автоматы у входа в аллею
Тоже будто бы странники тут,

Как слепцы — ни о чем не жалеют,
Подаяния медного ждут.

Нам-то кажется полночь пустою,
Грубоватым — неоновый свет.
Он хоть движется, зренье — в застое:
Вот чего опасайся, поэт!

Ну а чтоб глубоко, не парадно
Оценить, как мы нынче живем,
Встать на место Никитина надо —
И не в сквере, а в веке былом. . .

САРАТОВ

Ты мне товарищ и соратник, —
Любви и мужества форпост,
Откинувший за Волгу мост,
Как руку спящую, Саратов.

Твои заводы, как заботы,
Встают в натруженных ночах,
И пароходы, пароходы
Плывут на собственных огнях.

От тополей метель и заметь.
Брось спичку — вспыхнет город весь.
Его не искажает заводь,
А отражает, как он есть.

Серьезный, грозный на безлюдье
И напряженный на заре,
Своею каменною грудью
Путь преграждающий жаре.

По-за тобой воскресли степи,
И мягче, шелковое синь,
А это значит то, что стены
Подставил ты ветрам пустынь.

Так деловито, скромно, честно
Ты возвращаешь городам
Высокое их назначение:
Щитом быть землям и садам.

* * *

Превозносить не стоит человека,
Равно как и не стоит унижать,
В каком бы он ни подвизался веке,
Какую б ни творил он благодать.

Не маг, не чародей и не преступник —
Тут не уменьшить и не разделить, —
Явился он, чтоб смерти грудь простукать
И беспредельное определить.

И, подчиняясь основным задачам,
Он не в ладах с собой — и что с того?!
Тоскуем мы и мучаемся, плачем,
Случается — не значим ничего.

Луна и солнце дарят свет свой рампе,
И, если посмотреть со стороны, —
Душ наших ослепительные лампы
Для драм обыкновенных зажжены.

Игра играется за каждой дверью —
Не знаю, как кого, но до поры
Меня от рабства и высокомерья
Спасает ощущение игры. . .

* * *

Петь не дано — подпеваю,
Пить невозможно — сижу
Теплой компании с краю
И никого не сужу.

Пусть обвинят златоусты,
Что я и скрытен и лжив,
Верно, что я уж не чувством,
Только сочувствием жив.

Верно и то, что осталось
Мне не звездой догореть,
Сил не хватает на жалость,
Только могу сожалеть.

* * *

Вагонов и простых кают
Ценю геометрический уют.
Здесь нет диванов пестрых и чехлов,
Отсутствуют и скатерть и клеенка.
Здесь если уделят — то пару слов
Достоинствам стандартного шезлонга.
И все, чем знаменит домашний быт,
И все, что пред гостями мы выставаем,

С пейзажами за окнами летит,
И если нас касается, то — краем.
Колесам в лад стучат, стучат сердца,
Приветствуя негаданные встречи,
Знакомства и разлуки без конца —
Единственную роскошь человечью.

* * *

Пока гудел стальной огонь,
Пока мы с горем расплатились,
Овраги с наглостью врагов
У речек буйно расплодились.

Слоеность — глину и песок —
Провалы рьяно обнажили,
И корни сгинувших лесов
Повисли, как земные жилы.

Ручьи здесь борозды прожгли,
И забелел внизу ущербно
Костями дроблеными земли
Известняковый мелкий щебень.

Земля — она не человек,
Нельзя, увязывая в межи,
Послать истерзанный рельеф
В Крым, что истерзан был не меньше.

Ее на месте подлатать
Должны заботливые руки,
Сады восстановить опять
По правилам лесной науки.

И я, штурмуя пустыри,
Не забывая опыт горький,
Готов отдать был костыли
На колышки и на подпорки.

* * *

Полощутся березы у опушки
В колеблющейся, как вода, тени.
Опять перекликаются кукушки,
Так — будто бы они в лесу одни.

Не обольщаюсь голосом вещуний,
Пророчащих мне что-то на веку,
Хотя они и душу мне врачуют
Певучим и бесхитростным «ку-ку».

Ведь счет души кукушкиного жестче
И чувства по-осеннему трезвы,
Недолго любоваться многострочьем
Мне золоченной сентябрем листвы.

Недолго вслушиваться в щебет птичий,
Ютиться в санаторном мираже.
Как сам себя лекарствами ни пичкай —
Здоровья не прибавится уже.

Украденное капельками крови,
Утраченное крапинками слез,
Оно теперь — родной земли здоровье,
Ее опушек, листьев и берез.

И может быть, я здесь торчу прилежно
Лишь потому — безрадостен и тих, —
Что у меня последняя надежда
На непременною взаимность их. . .

* * *

Ежеосенне под старой березой
Выводок в мокрых панамках грибов.
Их до погоды не трогать морозной
Я с удовольствием полным готов.

Мимо — с корзиной: стайка теснится
Белых цыпляток у белой груди,
Ну а береза — огромною птицей
Вся раскрылатилась — не подходи!

Но в октябре, посетив закоулок
Стылого леса, под птичий галдеж
С болью замечу я смятый окурок,
Кроны седой материнскую дрожь.

Рядом с березой, роняющей оземь
Листья слезами в сырую траву,
Не с кого спрашивать: где она, осень,
Где они, наши цыплята? — ах! . .

* * *

Еще одна осень,
И озимь — контрастом ее,
И колетса очень
Отросшее в поле жнивье.

Раздолье для стада
На стриженем этом лугу,
И больше не надо
Спешить никуда пастуху.

Он чуждо и глухо
В тулупе торчит на меже. . .
Ничто друг от друга
Вокруг не зависит уже.

Клочки паутины
Незыблемо стынут в стерне,
И пашен куртины
Пространство чернят в стороне.

И чем-то надличным
Тебя пробирает насквозь,
Что кажешься лишним
Ты здесь, как непрошенный гость.

Сквозная свобода —
От всей обнаженной земли.
Свобода погоды
От низкого солнца вдали.

От этой мороки
Раздули дородно бока
Что в поле буренки,
Что в небе пустом облака.

ВЕТЕР

В ленивом мареве тепла
Заснули зыбкие деревья,
А ветерок лишь иногда
Щеки коснется еле-еле.

Но вот потрянул он клена чуб,
Березу тронул он за косы. . .
Неистов, голосист и груб,
Пригнул кустарник на откосах.

Взъерошил листья камыша
И по реке прошелся теркой,
Дорожной пылью задышал,
Оконной громко хлопнув створкой.

И ринулся в простор небес,
Лазурь поспешно мглой тушуя.
Мятущийся на горке лес
Зеленым пламенем бушует.

* * *

Мое дело — сторона:
Сторона родимая.
Не справляется волна
С тиной-рутиною.

Чем ей, реченьке, помочь,
На глазах мелеющей,
Вместе с лилиями в ночь
И кугу лелеющей?!

Откустились берега
Русла опахалами.
Их раздели донага —
Выжгли, опахали ли.

Огороды из логов
Вниз по склонам съехали.
Но нельзя без берегов
Речке, человеку ли. . .

Вон соседка третий год
Бегством в город мучится.
За бесценок продает
Разное имущество.

Автострадой колея
Судеб поглощается.
Я соседке не судья —
Так уж получается.

Вольным — воля пополам
С жизнью суетящейся,
А землей спасенным, нам, —
Рай ее светящийся.

Речке силу возратить
Степенью гексаметра —
Все равно что возродить
Свою силу заново!

Женщинами русских баб
Нет, не величаю,
Но за них я, как ни слаб,
Заступиться чаю.

Мы, ядренейшая кость,
Мужики, по-свойски
Уповаем на авось,
Бабы — на авоськи.

А на рынке не подлезть
К нужному товару.
Поневоле в бабах есть
Что-то от базара.

А уж коли ты — вдова,
Отправляйся с ходу
Если в лес, то по дрова,
А по рыбу — в воду.

Ты на баб, наш белый свет,
Налегай не очень.
Бабий век — не сорок лет,
Бабье лето — осень...

ИРОНИЧЕСКОЕ

Что умеряю нужды,
По мнению всех и вся,
Обязан я тому,
 что
В рубашке родился.

И потому несложен
Приобретенный рай:
Куда ни кинусь — должен,
Ни повернусь — давай!

Как бы обложен данью.
Тот, кто меня правей,
Охотится за дланью
За правую моей.

А тот, кто лев, — за левой,
И уши нарасхват:
В одно — залезут с лестью,
В другое нагрубят.

Плечам своим обуза:
На правом — кладь забот,
А левому — без груза! —
Командует: «Вперед!»

И вправду, что в сорочке
Проник я в бытие,
Да, видно уж, в рассрочку
Мне выдали ее...

* * *

Н. Белянскому

Столбами солнечного света
Застолблена, покой храня,
Большая комната поэтов,
Где нынче слушают меня.

Не Маяковский — тихо все
Читаю свой неровный стих.
И вот уже сижу, рисую
Возможных критиков моих.

Один — с пустым лицом и птичьим,
И под карандашом оно
Какой-то манией величья
Нахохлено, поражено.

Другой — толстяк, лениво добрый,
Домашен, важен и широк,
За сердце держится и ребра,
Прощупать тщится сквозь жирок.

Вот встал орел мой, мой оракул,
Внедряясь в каждую строку,
Полупрезрительно прогаркал,
Что надо бы поддать газку.

Поэкспрессивней и покруче,
Чтобы пошло в глазах рябить,
А так, — поклон ко мне, — голубчик,
На месте нечего трубить.

А толстяку — ему с дыханьем
Своим не совладать, хотя
Он что-то мямлит, что-то хвалит,
Полупристав, полушутя.

Пегас моей нескладной музыки,
Наскоками не прогневись:
То на тебя словесно узы
Свои накладывает жизнь.

Моя измаянная муза,
Нам тяжело с тобой двоим,
И — не избавиться от груза
Суровых лет, нелегких зим.

И будет кнут еще и пряник,
Но без тщеславной суеты
Гордись, тобой желают править,
А это значит — тянешь ты...

* * *

Есть город Миргород. О нем
Нелестно Гоголь отзывался,
Трудами, правдой и огнем
Тот город долго очищался.

С утра пытался возродить
Ту — лужам лужу — дождик стойко,
Чтоб можно было обходить
Ее под пенье водостока.

Вновь царственно цвела в домах
Весна в сиреневом платочке,
А в центре города в садах
Постреливали тонко почки.

Я направлял свои стопы
К его источникам целебным,
Что славили не раз попы
И крестным ходом и молебным.

А Миргород со стороны
Вставал, кипел индустриальным

Опроверженьем старины,
Отличьем от нее реальным.

Два Миргорода навсегда
Разнятся изнутри, снаружи,
Как минеральная вода
И прозаическая лужа...

* * *

Молился инвалид в церквушке тяжко,
Казалось в том его упорстве мне —
Желание поблажки и оттяжки
От неминуемого на земле.

[illegible]

Да, я сержусь на верующих, разве
Не дети они малые, как тот
Калека, что в молитвенном экстазе
Закрыв глаза: «Быть может, пронесет...»

* * *

Несчастью не прикажешь: сгинь,
Сгинь в одночасье.
Одна из главных ностальгий —
Тоска по счастью.

В чем заключается оно?
В любви? В борьбе ли?
Как мы не виделись давно,
Как постарели!

И я не тот, и ты уже
Совсем иная,
А где-то обо мне в душе
Жалеешь — знаю.

Упущенного не вернешь
Ничьею властью,
И как спасительная ложь —
Тоска по счастью! . .

* * *

Игра волшебных чистых линий
Голубоватой полутьмы,
На окнах фантастичен иней,
Как будто присказка зимы.

Я блеском душу наполняю,
Раздвинув шторы на окне.
Тихонько песню напеваю
Ту, что на ум приходит мне.

И рад, что никому не слышен,
И в одиночестве давно
Я слышу сам, как солнце дышит
В заиндевелое окно.

Протачивает тонким паром
Глазок в уют больничный мой,
Как любопытная Варвара —
Та, что из присказки самой.

* * *

Покинут женщиною — значит,
Судьба дала, как судно, течь —
Ее нельзя переиначить
И погруженья не пресечь.

Не перечеркивай разлуку:
Бывает все — не унывай
И другу на прощанье руку,
Как круг спасательный, подай.

Те, кто друзей не покидают,
Спасают этим и себя.
Как капитаны погибают,
Погибни, спасшийся любя.

И веря в чудо ниоткуда,
Где есть — уже не как балласт! —
И женщина, что не забудет,
И друг, который не предаст. . .

* * *

Вот так номер! Попутала номер
Телефона гражданка одна
И звонит мне в гостиничный номер,
Говорит, что тоскует она.

Сколько в голосе женской печали!
Сколько ласки! — и все не про нас.
На будильнике стрелки почали
Самый первый полуночный час.

Я не рад, что откликнулся гостье,
И не рад потому я вдвойне,
Что ее откровения вовсе
Адресованы были не мне.

Ты вот так среди ночи не вскочишь
И звонком не разбудишь меня.
Ты — дневная, а мы ведь без ночи
Одиноки, как ночь безо дня.

* * *

Ничего так не жалко,
Как пропавшего дня в суете.
Снова — елки-моталки! —
Приходили не та и не те.

Я недаром тревожусь,
Я недаром себя — на засов.
Мне обрыдла похожесть
Проведенных впустую часов.

Умножается племя —
Очень странное племя сие
Прожигающих время, —
Если только бы время свое.

На мое посягают
Похитители ночи и дня
И идут с пустяками,
Отнимая меня у меня.

Шторы сдвину потуже:
Без гостей моя ночь коротка,
И прихлопну подушкой
Телефон —
от звонка до звонка.

* * *

Овальный пляж, на нем скамья
В наплывах розового света,
И озарившая все это
Улыбка робкая твоя.

Расцеловались мы: пора!
Звал пароход, пестрея бурно
Цветами, лозунгами, будто
Сейчас покинул стапеля.

Ход самый тихий — без следа,
Бутыль любви о борт разбита,
Вокруг шампанское разлито,
А за кормой — вода, вода.

Ах, если б знать в пучине лет,
Что путь обратный оборвется
И жгучим полднем обернется
Далекой юности рассвет.

Овальный пляж, на нем скамья
В наплывах розового света,
И озарившая все это
Улыбка робкая твоя.

* * *

Кисловодская Нина,
Никому не родня,
Дай-ка жребий я кину
На тебя и меня.

Две бумажки скатаю —
Будем вместе иль нет?
Из фуражки со дна я
Свой достану билет.

Будем вместе мы, нет ли —
В этом главная суть.
Я свой катыш помедлю
Возле глаз развернуть.

Шутка вроде, а все же
Как-то не по себе,
Будто вправду я должен
Доверяться судьбе.

В той игре наудачу,
При концовке плохой,
Что мне случай назначил,
То отвергнется мной.

Сам несчастье отрину
И порву на клочки.
Кисловодская Нина —
Золотые зрачки.

Нина — в синем платочке,
Нина — в шапке кудрей,
По фамилии... впрочем,
Хватит нам и моей.

* * *

Е. В.

Ты — воплощенье зрелой красоты,
И сколько, сколько пылкого народу,
Природой не обиженная, ты
Обидела от имени природы.

Отвергнув притязанья пошляков,
От коих, как известно, нет отбою,
Ничуть не меньше раздала шлепков
Ты восхищенным искренне тобою.

И я ушибы тоже потирал,
Влюбленных замыкая галерею,
И я ошибку ту же повторял,
Навязываясь тенью стать твоею.

А ты, что и портрет, что и багет,
Сама себе — смирение и вызов,
И как капризов у погоды нет,
Так у тебя фальшивых нет капризов.

Ты ветрена на перепутье чувств
И дум о том, что эти чувства значат:
Любовь — улыбки луч не сходит с уст,
Неверье — очи, словно осень, плачут.

А вот когда сама с собой в ладу —
Напоминаешь радугу ты в мае
Иль раннюю вечернюю звезду,
Что вся переливается, мерцая.

Цветастость радуги иль дрожь звезды,
Как отблеск чувства, вспыхнувшего светом
Предназначаешь мне с надеждой ты,
Что высоту я обрету при этом.

Судить о зрелой красоте твоей
Не по исходу глупого злословья,
А по тому, насколько страшно ей
Себя земной исчерпывать любовью.

* * *

Ах, Ванька-ключник, Ванька-ключник,
Ты в песне дьяволом прослыл
И потому был злой разлучник,
Что все ключи свои хранил.

Ты при себе носил их связкой,
И всем княгиням, понимай,
Со звоном их над опояской
Медовый рисовался рай.

А я не демон, не апостол,
Я — как и всякий и любой,
И как преступник я опознан
Самим собой, самим собой.

Преступно было, не жалея
Себя в тревожной тишине,
Перед изменчивою ею
Всему выкладываться мне:

Напропалую, безусловно
В любовь уверовать сполна, —
Ей прививать такие чувства,
Каких не выдюжит она.

Как в наказание, перед нею
Теперь стою, от боли черн,
Как перед запертою дверью
С оставленным внутри ключом.

* * *

Ты выросла под небом южным,
Под стать балконному плющу,
И хмурым севером и выюжным
Тебя я, верно, не прельщу.

Я выходец из зим трескучих,
Из осеней в сплошном свинце:
Все, чем могу тебе наскучить,
И налицо и на лице.

А ты вся — солнце. И как раз ты,
Сияя, не сочтешь за факт,
Что в возрасте моем контрасты
Есть — с неизбежностью контакт.

Час не сумею продержаться,
Как только ты придешь ко мне,
Как если б солнцу приближаться
К угрюмой выпало земле.

Конечно, есть и выход жалкий
На средней встретиться меже,
Где чтоб ни холодно, ни жарко,
Но это не любовь уже.

* * *

Прошу меня без пикировки выслушать.
Я не таю худого на уме.
Ты захотела сердце мое высушить
На свой расход, как яблоко к зиме.

Почувствовав ту зиму в отдалении,
Где не согреться крохами тепла,
Ты запасть решила и соления
И мне солила, как только могла.

А я ведь мог щедрее быть оазиса
На свежесть, на мерцание ручьев,
Тебя расцвечивая, синеглазую,
В сугробы хлопка, в бахромку шелков.

Но мы все годы на себя потратили:
Ты — знойной быть, а я — тебя сберечь,
Как два полуврага-полуприятеля,
Что на двоих один имеют меч.

Война двоих постыдна и постыла,
И та, и та погибнет сторона.
Война двоих изматывает силы,
Как всякая гражданская война.

Самовлюбленная, самоудобная,
Оставь меня с собой наедине,
Я не таю худого, но и доброго
Ты мало что прибавила во мне.

* * *

Какая женщина!
Смугла по-южному.
Ты мне ль обещана?
Другому ль сужена?
В круг встанешь около
Тех, кто рисуется, —
Твои высокие
Друзья расступятся.
Кому-то плачется,
Как это водится,

Тебе ж все пляшется
Да хороводится.
Прошла — под рученьки,
Как бы с оказией,
С двумя подружками
По-за акацией.
Ладой согнутой
Платок поправила
И дробью огненной
Гармонь поранила.
И парень с хутора,
Как замороженный,
Взглянул — запутался
В басах встревоженных.
Дробь тем не менее
Отменно выбила,
А из цветения
Разлуку выбрала.

* * *

Лет до шестнадцати дичился взрослых:
Острее сиротство чувствовал среди них.
И были мне друзья нужны, как воздух,
И вовсе не для шалостей и игр.

Тот — скибку хлеба даст на переменке,
Которую я тут же уплету,
А Квасов на ночевку в деревеньку
Водил меня за добрую версту.

Чем я отплачивал друзьям? Решеньем
Нам заданных контрольных и задач,

Служением, их тайн неразглашеньем —
Такой — представьте! — тертый был калач.

Но в чем я не замешан и безгрешен,
В чем потакать друзьям постыдным счел, —
Так это первым встречаю у черешен
Их с девочками сопредельных школ.

Тут сами, как хотите, разумейте:
Я для свиданий — голоден и нищ.
И сапоги заборчик райсовета
Мне пропорол до самых голенищ.

Любовь мне первая не смела сниться —
Я б всыпал ей по первое число,
Хотя от Квасова девичьим ситцем
Прилично-таки в полночи несло.

Вот почему со многим разминулся
Я, может, в годы лучшие свои.
И до сих пор с мальчишеством в союзе
Краснею на экзамене любви.

* * *

Губы бантиком,
Манящие как мед,
Столько бабникам
Доставили хлопот.

Эти бабники,
Уставши от атак,

Баю-баиньки
Ложились натошак.

Улыбались
От усердия кругло,
Увивались —
Ничего не помогло.

Не устали
Губы «нет» твердить и «нет»,
Их устами
Нарекает белый свет.

Всех нелюбых
Презирая и кляня,
Губы, губы,
Не губите вы меня! . .

* * *

Ах, декабрь, какие баллы
Надо выставить ему?!
Выходили каннибалы
Из лесу по одному.

Выученный экономить
И патроны и слова,
«Поживей!» — басил конвойный,
Пряча руки в рукава.

А зима вокруг стояла,
Холода — вот это да!

Немцы даже Генерала
Ей присвоили тогда.

Генерал Зима, ребята,
Метко фрицы нарекли,
Только что он без солдата
Русской матери-земли?!

Ну, сугробы, ну, метели,
Ну, заносы, ну, снега!
Не они же в самом деле
Опрокинули врага.

Мудрецы, что вспять движенья
Лезть привыкли напролом,
Под Москвою поражение
Объясняют... декабрем.

Я не склонен к их дебатам,
Я спрошу одно без зла:
Почему же в сорок пятом
Вам весна не помогла?!

* * *

Провисло небо,
Словно парусина,
Натянутая по березняку,
И листья, как следы
От лап гусиных,
Разбросаны
По влажному песку.

Еще прохладно.
Не проснулись осы.
Полоской обозначился восход,
И валуны сереют,
Словно овцы,
У озерца прилегшие вразброд.

Леса, луга,
Любимые извечно,
Я узнаю то гребень, то увал,
А между тем
Доподлинно известно,
Что здесь я
Никогда
И не бывал.

Я узнаю их
По картинам детства,
По грустным сказкам матери моей,
Так рано мне
Оставившей в наследство
Мерцание озер
И ширь полей.

Мне горло
Перехватывают спазмы —
Волнение неизбывное мое, —
Что без нее
Ожили эти сказки
И я брожу козленком без нее.

И девушка,
У бережка ногами

Болтающая, нежность затая, —
Точь-в-точь Аленушка
На сером камне —
Сестрица
И заступница моя! . .

* * *

Нам повелел комдив —
Едва ль не под расписку, —
Чтоб все мы, как один,
Послушали артистку.

Мы сели в затишке
Ноябрьского подворья
На жердочке, на камушке —
По двое и по трое.

Запела под баян,
Приокнув по-рязански,
О мужестве полян
И тропок партизанских.

Ни крови, ни обид
Та песня не прощала,
Но все же выше битв
К чему-то приобщала.

К горению среди тьмы
Огнем неодолимым,
О чем вздохнули мы,
Как о невыполнимом. . .

Немножечко печальное
У своего ручья
Стоит село Пичаево,
С которым свыкся я.

С его крутую улочкой,
С плетнями на боку,
С березкой, в белой юбочке
Бегущей к роднику.

И если от свидания
С березой и ручьем
Заноют раны давние,
Оно тут ни при чем!

Оно, как я, помечено
Боями там и сям.
Церквушка изрешечена,
Как, может быть, я сам.

Освобождал от врагов
Я не одно село,
И были они в сполохах —
Все на одно лицо.

Немножечко печальные,
С крапивой у плетня,
И все они в Пичаеве
Воскресли для меня.

И все они, нездешние,
Являсь в одном селе, —
Мое освобождение
От скверны на земле.

* * *

Фотография военная.
Плохо вышел я на ней:
И лицо обыкновенное,
Как у нынешних парней.

И пилотка мятым коробом,
И не густо — на груди.
И в каком же это городе
Я снимался, погоди?!
В Сталинграде?
Минске?

Кракове?
Шел в разведку иль в прорыв?
Впрочем, всюду одинаково
Беспристрастен объектив.
Ничего, что плохо вышел, —
Не журите молодца.
Хорошо, что в битвах выжил,
Проявился до конца.

* * *

Бываю сам не свой. Старею, что ли,
В предчувствии подспудных перемен?
Вчера к своей родной Азовской школе
Подъехал и едва не заревел.

Была на то пустячная причина —
Я не узнал знакомого двора.
Азовская — она азам учила,
Азовская — она была добра.

Держала перед нами двери настежь,
Терпела беды с нами наравне,
Но стойкости, тогда привитой нам здесь,
При встрече с нею не достало мне.

Углы ее обмякли, словно плечи,
Осыпалась известка со стены,
И камни жалуются, что из сечи
Не все назад вернулись к ней сыны.

Вот здесь когда-то сшибкой смежных классов
Охотно, озорно руководил
Герой Советского Союза Квасов —
Мой друг, в бою погибший командир.

Развернут строй, на смех и шутки скорый,
Вихрастая родная ребятня.
Тут где-то затерялся тот, который
Хоть чем-то все же должен быть в меня. . .

* * *

Дохнула арбузами полночь
Скользящим созвездиям вслед.
И месяца тонкого обруч
На облачко косо надет.

За речкою темной, за лесом,
В его теневой полосе,
Довольные собственным весом,
Машины шуршат по шоссе.

Прожекторно фарами шарят,
Как будто они наугад
Вне этих земных полушарий
Нащупать гараж норовят.

И ветер бежит по вершинам
Таинственно вскинутых крон
За этим гуденьем машинным,
За всполохом света вдогон.

* * *

Таким венчала
Нас судьба венцом,
Что стали мы с тобой
Неодолимы,
И самым тесным на земле кольцом —
Печалей и потерь —
Обручены мы.

Пока я есть,
Тебе нельзя не быть,
Пока я здесь,
Побудь со мною рядом:
Мне больше никого не полюбить,
Мне больше
Ничего уже не надо.

И не ревнуй
К минувшим теням ты —
В наш полдень
Грех искать их за спиною.

Там, позади,
Все сожжены мосты
Отчасти — мной,
А в основном —
войною.

* * *

Стонали раненые ели,
А полоса была ничья.
Мы над расчетами корпели
В сырой промоине ручья.

Четыре ротных, очень потных,
Друг против друга, как в челне,
Четыре ротных, очень плотных,
И карта на моей спине.

Они склоняются над нею:
Должно, сверяют стыки рот.
Мне роль стола скривила шею
И глина попадает в рот.

Я напрягаюсь. Крепнет чувство —
На нас нацелен миномет.
Спиною точку карты чую,
Где вскоре мина упадет.

И ахнула земля от взрыва,
И — высь в смертельном вираже.
Меня товарищи прикрыли
Телами мертвыми уже.

Не говорите: чудом выжил...
Из тел товарищей своих
Я выбрался, и в мир я вышел,
Рожденный заново из них.

БАЛЛАДА О МЕДСЕСТРЕ

Она ушла в слепую ночь
И затерялась в пекле боя...
Одним она была как дочь,
Другим — подругой и сестрою.

Но что отцы и что сыны:
Все — по нашивкам и по лычкам —
Мы были перед ней равны,
И нас она звала по кличкам.

Именовала, как ни встань,
По городам: тех — Старой Руссой,
Других — Рязанью, коль спроста,
А с подковыркой — косопузый.

В бреду мерещилось — умру,
Обуза даже для обоза,
Искал, отчаясь, кобуру.
И вдруг лицо ее сквозь слезы!

Жалела ли она меня,
Иль служба то была всего лишь —
Я услышал в размыве дня
Охрипшее: «Очнись, Воронеж!»

Тот окающий говорок,
Звучащий там и сям по-свойски,
Пустынность скрашивал дорог
И тряску адскую повозки.

Все наши горести без слов
Взвалив на худенькие плечи,
На место затяжных боев
Сестра вернулась в тот же вечер.

Таскала Тулу и Москву,
О Курске и Орле радела,
Пока осколком по виску
Ее случайно не задело.

В песчаный мерзлый неуют,
В шинельке штопаной, отволглой,
Ее зарыли, дав салют
Согласно воинскому долгу.

И чувство горькое вины
Во мне навеки окопалось,
Что ненависть с той стороны
Любви
сильнее оказалась.

* * *

Здесь в росписи старинных плит
Храм возносился величаво,
И купола, струясь в зенит,
Его сверканием венчали.

Уж столько миновало лет
С зимы сорок второго адской.
И куполов уж нет, и нет
Тех, кто уснул в могиле братской.

А рядом вырос обелиск
Погибшим здесь во имя мира.
Над ним луны каленый диск,
Как обезвреженная мина.

Опять за полных двадцать пять,
Мелькнувших, как погибших образ,
Какой уже мне раз не спать
И губы мне кусать какой раз?!

На нас, безбожников совсем, —
Свою опору и охрану —
Святые молятся со стен
Полуразрушенного храма. . .

Санаторный срок исчерпан,
Спрятан ключик от замка,
Море Черное исчезнет
После третьего звонка.

До свидания, зеленый,
С пеной на губах, прибой!
Уезжаю просоленный,
Просветленный весь тобой.

Та же сказочность на пляже.
Каплями волны горя,
Из воды выходят даже
Тридцать три богатыря.

С ними дядька низкорослый —
Бородат. Спешат на мол.
До свиданья, черноморский
Чернокожий Черномор!

По плацкартному билету
В виде фауны морской
Увезу с собою лето
В «бабье лето» под Москвой.

Чье ты будешь достоянье,
Достославная вода?
До свиданья, до свиданья,
До свиданья, до свида. . .

* * *

Я у судьбы с пеленок на примете,
Но — жадная — из множества своих
Она не отвела, увы, столетий,
Ни даже просто лишних дней из них.

Она повсюду выставляла первым
Меня, и в бой я шел не налегке,
Сжав и гранату в кулаке и нервы —
Все в том же напряженном кулаке.

Так иль не так — она гнала на правый,
На клятый фланг с усердьем старшины
То с нецензурщиной, то с песней бравой
По беспардонной логике войны.

В сержантском или маршальском обличье,
По фронту замерших шагая рот,
Она была железной и обычной,
Как слово неподсудное: «Вперед!»

Я все ей отдал, даже то, что лишним
Сочтет она, построив бытие,
Пожертвовав отчасти очень личным
Во имя светлых радостей ее.

И до нее дорос я. Лихолетье
Оттеснено напором вешним дня.
И музыка земли, цветы и дети —
Все нынче на примете у меня.

* * *

Я не писал до третьих петухов,
Я начал не поэтом, а солдатом,
И было вовсе мне не до стихов
В землянке с неустойчивым накатом.

И лезла мне в глаза одна зола,
И ненависть смертельного накала
Совсем не к излияниям звала
И к исповеди не располагала.

К иному разговору я привык
В те дни, когда среди походной пыли

На автоматный огневой язык
Несказанное мы переводили.

Вот уж не думал, что сырая грязь
Далекой от небес звериной щели
Во мне потом навек пробудит страсть
К поэзии, как к самоочищению. . .

* * *

Волнуясь и волненью повинуюсь,
Заглядываю на сто лет вперед,
Когда в погонах не моя уж юность
По городу вечернему идет.

Каким грядет он, век тот непочатый, —
Неведомо ни другу, ни врагу.
Но ты, солдат, подтверже шаг печатай,
А я тебе улыбкой помогу.

Печатай: за тебя мы по-пластунски
Отползали под вражеским огнем,
Чтоб где-то горизонт свинцово-тусклый
Сошел и разрешился ярким днем.

Отползали за всех еще не живших,
Скончавшихся не в реве канонад.
От имени в окопах отслуживших
Приказываю: шире шаг, солдат!

Дороги прикипят к твоим подошвам.
Ход ног необратим, как и вещей.
Шаг в полный рост — гарантия того, что
Ты принял эстафету наших дней. . .

СОДЕРЖАНИЕ

«Негасимое пламя...»	3
«Меня землею бинтовало...»	4
«Нет, на войне не выстрелы пугают...»	5
«Крестьянский сын, числом откроюсь задним...»	6
«Захолустный сын России...»	7
«Образование мое армейское...»	8
«А мне герои снятся...»	9
«Последних выстрелов огни...»	9
«По ночам в этом городе...»	10
«Не в разведку сюда ты пришел...»	11
«Сон, как смутьяна, за версту...»	11
«Прощайте, и земля, и мать...»	12
«В лесных чарующих краях...»	13
«Возвращается прошлое снами...»	14
«Несгибаемость — это не поза...»	15
«Моих друзей рассеяла сурово...»	16
«Звал на Берлин войска суровый долг...»	17
«Ах, эти березы, березы...»	18
«Прививок я не избежал...»	19
«В госпитале, господи...»	20
«Как спится вам, друзья мои...»	21
«Долю ждал я неземную...»	22
«Война, война...»	24
«От болезней нет траншей...»	25
«Полковник возглавлял политотдел...»	25
«Имел и я заветную тетрадь...»	26
«Залп над братской могилой...»	27
Ветераны	28
Обелиски	29
«Частушки вдовушки частили...»	32
«Поэзия во мне еще жива...»	33
«Про латунь куполов...»	34
«Если ты не злодей...»	34
«Удушлива служебная трясина...»	35
«Месяц в городе ночью не виден...»	36
Саратов	37
«Превозносить не стоит человека...»	38
«Петь не дано — подпеваю...»	39
«Вагонов и простых кают...»	39

«Пока гудел стальной огонь...»	40
«Полощутся березы у опушки...»	41
«Ежеосенне под старой березой...»	42
«Еще одна осень...»	42
Ветер	44
«Мое дело — сторона...»	44
«Женщинами русских баб...»	46
Ироническое	46
«Столбами солнечного света...»	47
«Есть город Миргород...»	49
«Молился инвалид в церквушке...»	50
«Несчастьем не прикажешь: сгинь...»	51
«Игра волшебных чистых линий...»	51
«Покинут женщиною — значит...»	52
«Вот так номер!...»	53
«Ничего так не жалко...»	53
«Овальный пляж, на нем скамья...»	54
«Кисловодская Нина...»	55
«Ты — воплощение зрелой красоты...»	56
«Ах, Ванька-ключник, Ванька-ключник...»	57
«Ты выросла под небом южным...»	58
«Прошу меня без пикировки выслушать...»	59
«Какая женщина!...»	60
«Лет до шестнадцати...»	61
«Губы бантиком...»	62
«Ах, декабрь, какие баллы...»	63
«Провисло небо...»	64
«Нам повелел комдив...»	66
«Немножечко печальное...»	67
«Фотография военная...»	68
«Бываю сам не свой...»	68
«Дохнула арбузами полночь...»	69
«Таким венчала нас судьба...»	70
«Стонали раненные ели...»	71
Баллада о медсестре	72
«Здесь в росписи старинных плит...»	73
«Санаторный срок исчерпан...»	74
«Я у судьбы с пеленок на примете...»	75
«Я не писал до третьих петухов...»	76
«Волнуясь и волнуясь повинуюсь...»	77

Михаил Иванович Касаткин

ЗАПОВЕДНЫЕ ГОДЫ

М., «Советский писатель», 1981, 80 стр.

План выпуска 1982 г. № 169.

Редактор А. М. Б о д р е н к о в.

Худож. редактор Д. С. М у х и н.

Техн. редактор Е. Ф. Ш а р а е в а. Корректор Ф. Н. А в р у н и н а.

ИБ № 3149

Сдано в набор 26.08.81. Подписано к печати 9.11.81. А 02945. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,93. Тираж 10 000 экз. Заказ № 717. Цена 35 коп. Издательство «Советский писатель». Москва, 121069, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

35 к.

